

В. Г. ДАЦЫШЕН

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ КИТАЯ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

МОНОГРАФИЯ

ПРЕДПОСЫЛКИ НАУЧНОГО ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ КИТАЯ

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ КИТАЯ

АКАДЕМИЧЕСКОЕ И УНИВЕРСИТЕТСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ
И ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В РОССИИ

ИЗУЧЕНИЕ КИТАЯ В РАЗЛИЧНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ,
ВЕДОМСТВАХ, ОРГАНИЗАЦИЯХ

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ КИТАЯ И ЗНАКОМСТВА ОБЩЕСТВА
С КИТАЙСКОЙ ИСТОРИЕЙ

КИТАЕВЕДЕНИЕ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

ИСТОРИЯ КИТАЯ
МОНОГРАФИЯ МОНОГРАФИЯ МОНОГРАФИЯ МОНОГРАФИЯ

Владимир Григорьевич Дацышен

Изучение истории Китая в Российской империи. Монография

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21535570

ООО "Проспект"; 2015

ISBN 9785392189380

Аннотация

Исследование посвящено проблемам становления и развития научного изучения истории Китая в России. Работа написана на основе как исторических документов, так и исследований историков и синологов. Основу источниковой базы составили опубликованные и неопубликованные работы русских востоковедов XVIII – начала XX в., посвященные истории Китая и китайской историографии. Книга дает целостную картину историко-востоковедных исследований и развития китаеведческого образования на протяжении более чем двухвекового периода истории России.

Содержание

Введение	5
Глава I	22
1.1. Предпосылки научного изучения истории Китая	23
1.2. Пекинская миссия и китаеведение в России в XVIII в.	36
1.3. Исследования по истории Китая	47
Конец ознакомительного фрагмента.	49

В. Г. Дацышен
Изучение истории Китая
в Российской империи
Монография

[битая ссылка] ebooks@prospekt.org

Введение

История Китая является важнейшей составляющей всех современных наук о человеке и обществе. Гуманитарное знание невозможно без понимания проблем становления и непрерывного развития одной из самых больших и древних цивилизаций, продолжающей оказывать огромное влияние на развитие всего человечества. Для россиян знания о Китае приобретают особую актуальность по той причине, что уже в течение нескольких веков эта страна является самым большим и стабильным соседом России.

Как научная дисциплина и как часть гуманитарного образования история Китая появилась в России в XVIII в. С этого времени данная научная дисциплина развивалась на стыке двух наук – востоковедения и истории. Важнейшей составляющей востоковедения, а по мнению многих востоковедов, ее основой на протяжении трех веков является синология (в широком ее понимании). Эта комплексная наука о китайской цивилизации обеспечивала изучение истории Китая и всей Центральной и Восточной Азии источниковой базой, проникновением в китайскую, по сути историографическую, культуру. Но, будучи в своей основе наукой лингвистически-страноведческой, синология была не в состоянии поднять изучение истории Китая до уровня обобщения закономерностей развития человека и общества, до выявле-

ния сущности процессов и явлений, хорошо спрятанных за уникальностью китайской культуры. Российская историческая наука, будучи частью науки европейской, претендовала на глубину и универсализм научного знания, но была не в силах выйти за рамки своей средиземноморско-атлантической цивилизации, преодолеть языковые и понятийные границы этого культурно-исторического пространства. И лишь на стыке двух претендующих на универсальность систем европейского научного знания – синологии и истории – развивается такая научная дисциплина, как история Китая.

Место и роль России в развитии западной синологии являются важными, но противоречивыми. Обладая более ограниченными, в сравнении с ведущими странами Запада, ресурсами и более чем на сто лет позже европейцев встав на путь Великих географических открытий, Россия обычно отставала от них в области синологических исследований. Однако соседство с Китайской империей и великодержавные устремления русской культуры создавали достаточные предпосылки не только для успешного «догоняющего» развития русской науки и образования, но обеспечивали выход российской синологии в разные периоды на лидирующие позиции в мире. В силу комплекса факторов отношение к истории Китая в русской культуре было принципиально таким же, как и в Западной Европе, но с некоторыми отличиями. Для отечественного востоковедения «История Китая» всегда была дисциплиной страноведческой, Европа же в XVIII

– XIX вв. приняла Китай в историю лишь на правах «цивилизации». В технократическом XX в. наций-государств, несмотря на масштабные достижения в различных науках, времени и ресурсов для преодоления созданной в XIX в. целостной системы национальных историй не хватало, да и потребности большой в этом не было. История Китая, не вписавшегося к началу XX в. в систему наций-государств, так и не стала полноценной составляющей мировой истории в российской науке и образовании.

Современное гуманитарное знание позволяет решать поставленные перед ним задачи только тогда, когда отражает современный уровень науки, и историческая наука не может быть исключением. Недостатки гуманитарного образования сводят на нет достижения общества в других сферах общественной жизни. Одним из самых слабых звеньев современной отечественной науки и образования сегодня является «История Китая». При этом именно такая научная и образовательная дисциплина, как история Китая, открывает перспективы скорейшего преодоления отставания, своегообразного застоя, переживаемого сегодня многими отраслями гуманитарного научного знания и образования. В предыдущие эпохи, именно опираясь или апеллируя к китайской истории, многие ученые преодолевали или обходили барьеры, естественно возникавшие или искусственно создаваемые в гуманитарных науках. И в этом во многом был социальный заказ русского общества. Известный российский обществен-

ный деятель, публицист Н. В. Шелгунов¹ писал в 1865 г.: «История Китая есть одна из любопытнейших и наивных хроник, дающая мыслящему читателю богатый материал для поучительных размышлений и сравнений»².

История Китая не была обделена вниманием российских и советских ученых. Востоковедение в целом и китаеведение в частности всегда вызывали интерес в обществе. Уже первые российские представители в Китае и первые русские китаеведы обратили внимание на проблемы истории Китая. Почти все российские синологи на протяжении последних трех веков занимались переводами исторической литературы, анализировали проблемы источниковедения истории Китая и китайской историографии. Иначе и быть не могло, как писал во второй половине XIX в. известный китаевед К. А. Скачков³, «китайская литература, очень значительная по богатству книг, богата только по тем отраслям, которые принадлежат к излюбленным китайцами сторонам их жизни, особенно к их преданиям древности, их истории, их быту, и т. п.»⁴. Однако трехвековой опыт изучения истории Китая в России пока мало востребован, редкие исследователи к нему обращаются. Как правило, этот опыт рассматривается лишь в исследованиях по истории отечественного востоковедения или китаеведения.

Первые работы, обобщающие опыт отечественно китаеведения, появились в начале XIX в. В 1825 г. в журнале

Г. И. Спасского⁵ «Азиатский вестник» была опубликована статья А. Ф. Рихтера «О состоянии Восточной Словесности в России». Первым русским синологом, занимавшимся переводами китайской исторической литературы, был назван И. К. Россохин⁶, а все опубликованные переводы А. Л. Леонтьева⁷ автором статьи были представлены довольно полно. Исследователь уже в начале XIX в. пришел к интересному выводу: «Почтенный Леонтьев, оказавший столь много услуг отечеству своими переводами, ныне почти забыт»⁸. В данной работе А. Ф. Рихтера показаны все крупные публикации синологов до конца первой четверти XIX в., до переводов Иакинфа (Бичурина)⁹.

Во второй половине XIX – начале XX в. в России вышло несколько исследований, специально посвященных истории двух главных синологических учреждений – Российской духовной миссии в Пекине и Факультета восточных языков. В их числе были обобщающие работы иеромонахов Николая (Адоратского)¹⁰ и Алексия (Виноградова)¹¹ об истории миссионерства¹², работы В. В. Бартольда¹³, «История изучения Востока в Европе и России»¹⁴ и «Обзор деятельности факультета восточных языков», статья дипломата И. Я. Коростовца¹⁵, подготовленное в Пекине под руководством епископа Иннокентия (Фигуровского)¹⁶ краткое обобщающее исследование по истории Миссии¹⁷ и т. д.

Многие русские синологи уже в XIX в. свои работы по истории Китая предваряли небольшими очерками по историографии вопроса. Например, в опубликованной в 1885 г. работе С. М. Георгиевского¹⁸ «Первый период китайской истории» имеются такие тезисы: «Что касается европейских синологов... арх. Палладий, Скачков... ознакомляя Европу с более поздней жизнью Срединного царства, упоминали о его древних временах только мимоходом, не говоря также и о тех писателях, которые (как, напр., Иакинф, проф. Захаров...), обогащая европейскую литературу специальными трудами по тем или другим предметам древности Китая или отводя обзору последней значительное место в своих общих сочинениях, либо исключительно держались китайских источников, не считая нужным подвергать их многосторонней критике, либо обстоятельно излагали свои взгляды только на интересовавшие их предметы и высказывались без приведения точных оснований вообще о первых периодах китайской истории...»¹⁹. С. М. Георгиевский в XIX в. обратил внимание и на проблемы, отметив: «Благодаря деятельности кабинетных ученых и отважных туристов, существует довольно значительная европейская литература, знакомящая нас с разными эпохами истории этой страны и бытом ее обитателей; но нельзя также отрицать, что масса противоречий в выводах и заключениях...»²⁰.

В советской историографии интерес к историческому на-

следию русской синологии был неизменным с первых после-
революционных лет. Уже в 1918 г. в «Известиях Российской
Академии наук» была опубликована статья об исторических
трудах первого русского академика-синолога В. П. Василье-
ва²¹. А с начала 1920-х гг. к работе над историей русско-
го востоковедения приступил воспитанник Археологическо-
го и Лазаревского институтов М. Ф. Достоевский²². Тогда
же, в 1920-х гг., с составления «Библиографии Китая» начал
свои исследования по истории русского китаеведения воспи-
танник Практической восточной академии и Ленинградско-
го восточного института П. Е. Скачков²³.

Исследователи в 1920–1930-х гг. не ставили перед собой
задачи рассмотреть опыт изучения истории Китая в Рос-
сии, а восстанавливали историю отечественного китаеведе-
ния как комплексной науки. Например, П. Е. Скачков писал
М. Ф. Достоевскому: «План моей работы таков – отыскивать
кажущихся незначительными китаистов, о которых мы все
имеем очень мало сведений (Кяхтинская школа, самостоя-
тельно выросшие в Китае, окончившие востоковедные вузы
и т. д.), обрабатывать постоянно крупных синологов и кита-
истов, о которых сохранилось много материалов и имена ко-
торых известны»²⁴. Можно признать, 1920-е гг. были доста-
точно плодотворными в части изучения истории отечествен-
ного востоковедения. Самый авторитетный советский исто-
риограф и библиограф русского китаеведения П. Е. Скачков

в середине XX в. отметил: «Работа В. В. Бартольда “История изучения Востока в Европе и России”, в которой китаеведению уделено немало страниц, до сих пор остается непревзойденной как у нас, так и за границей (она была переиздана в 1925 г.)»²⁵.

В советской историографии наибольшее внимание уделялось вкладу в изучение истории Китая архимандрита Иакинфа (Бичурина). Китаевед Н. В. Кюннер²⁶ писал: «Над практическим освоением богатства фактов китайских источников и введении его через переводы в научный обиход немало потрудились представители старого китаеведения, особенно Никита Яковлевич (Иакинф) Бичурин... Ценность китайского текста, в основном из династийных историй (от Ши цзи по Тан шу включительно), и надежное качество перевода Бичурина остаются непоколебленными, несмотря на более 100 лет, истекших со времени первого издания этого труда...»²⁷. Правда, в работах ряда советских исследователей истории отечественного китаеведения был такой недостаток, как замалчивание достижений русской науки второй половины XVIII – начала XIX в. П. Е. Скачков, высоко оценивая работу В. В. Бартольда, обращает внимание: «Однако и эта книга не свободна от некоторых погрешностей. Например, в ней отсутствуют даже имена первых русских китаеведов И. К. Россохина и А. Л. Леонтьева...»²⁸. Вообще в советское время утвердилось такое мнение: «Со времени Иакин-

фа продолжалась традиция членов миссии: освоив восточные языки, изучать Китай, его историю, как древнюю, так и современную...»²⁹. На самом же деле уже первые воспитанники Пекинской миссии, почти за сто лет до архимандрита Иакинфа (Бичурина), много и плодотворно занимались историей Китая. Здесь можно вспомнить, что вклад вышеупомянутых синологов в русскую науку был по достоинству оценен исследователями истории отечественного востоковедения уже в первой половине XIX в.

Довольно жестко и не всегда справедливо раскритиковал весь опыт изучения истории Китая не только в России, но и вообще на Западе патриарх советского китаеведения В. М. Алексеев³⁰. В его рукописном наследии сохранились следующие утверждения: «Как известно, с учебником китайской истории доселе дело обстоит плачевно, ибо как можно написать о Китае нечто подобное научным курсам или книгам по истории Греции и Рима, если, скажем, даже “основные истории” (чжэн ши) не только не подвергались еще синологической критике, но и вовсе не переведены (за небольшим исключением) ни на какой европейский язык? ... нужда в таком учебнике большая, особенно для русских читателей, ибо на их языке, если не упоминать бесконечно устарелых, да и ничтожных самих по себе, очерков Авенариуса, Тужилина и рукописных переводов Иакинфа, это дело еще и вовсе не предпринималось»³¹.

Многие пробелы в изучении русской историографии истории Китая в XVIII – начале XX в. были закрыты фундаментальным исследованием П. Е. Скачкова³² «Очерки истории русского китаеведения»³³. На сегодняшнее время эта монография, как и другая работа П. Е. Скачкова «Библиография Китая»³⁴, остаются базой для изучения истории российского китаеведения. Однако автор уже во вводной части своего исследования избегает говорить об изучении истории Китая, ограничиваясь везде «китаеведением», «изучением Китая». Данной работой советский китаевед закрепил сложившуюся традицию выделения «Бичуринского периода» и признания формирования «национальной китаеведческой школы» В. П. Васильевым³⁵, хотя уже его учитель, академик В. М. Алексеев, критически относился данным утверждениям. Правда, П. Е. Скачков специально подчеркивает: «“Очерки” не могут претендовать на исчерпывающую полноту. При современной дифференциации труда советских китаеведов и значительной научной разработке разных дисциплин отдельными учеными-китаеводами эту задачу может выполнить лишь коллектив специалистов»³⁶. И сегодня, спустя полвека со дня смерти выдающегося китаеведа П. Е. Скачкова, его слова сохраняют актуальность.

В новую историческую эпоху послевоенной истории страны развитие всей отечественной историографии истории Китая в советской науке было рассмотрено в многотомном

обобщающем исследовании «Очерки истории исторической науки в СССР». Однако разные периоды истории отечественной науки значительно отличаются по глубине исследования. В первом томе, вышедшем в 1955 г. и посвященном периоду до середины XIX в., в 9-й главе «Историография всемирной истории», был выделен отдельный параграф «Изучение зарубежных стран Дальнего Востока». Автором этого довольно большого по объему материала, более 10 страниц текста, был А. Л. Гальперин³⁷. Однако из российских работ собственно по истории Китая по всему тексту названа лишь одна, цитируя словами автора, «справочная историко-географическая работа» – «Описание происхождения и состояния маньчжурского народа и войска, в осьми знаменах состоящего» И. Россохина и А. Леонтьева³⁸. Кроме того, в сносках автор указал «историко-географическое описание» Китая И. Орлова, но без упоминания автора по тексту статьи. В целом половина текста статьи А. Л. Гальперина была посвящена не собственно изучению истории, а путешественникам и «передовым людям русского общества», а вторая половина – личности отца Иакинфа (Бичурина).

Крупнейшим и наиболее полным исследованием по истории изучения Китая в советской историографии стала опубликованная Главной редакцией восточной литературы издательства «Наука» в 1970 г. обобщающая монография В. Н. Никифорова «Советские истории о проблемах Китая». Несмотря на заявленные в названии ограниченные

советским периодом хронологические рамки, в работе подробно показана история изучения истории Китая в России с XVIII в. Советский историк дал глубокий и всесторонний анализ работ по истории Китая большинства русских китаеведов. В. Н. Никифоров отметил многие ключевые проблемы отечественной науки и образования, связанные с предметом, в частности, он отметил: «Несмотря на безусловный прогресс в изучении истории Китая, достижения русских китаеведов оставались в первой половине XIX в. не использованными специалистами по всеобщей истории»³⁹. Особенной глубиной отличается анализ проблем научных биографий таких личностей, как В. П. Васильев и В. С. Колоколов⁴⁰.

Не со всеми тезисами, присутствующими в работе В. Н. Никифорова, можно согласиться. Но нет сомнения в том, что такие тезисы, как «Подлинно научное изучение истории Китая могло начаться лишь с распространением пролетарской, максистско-ленинской идеологии»⁴¹, были обусловлены существовавшим в стране политическим режимом и идеологическими догматами. Само содержание исследования В. Н. Никифорова во многом опровергает и такое утверждение: «Со второй половины XVIII в. в России стали печататься работы о Китае. Это время нельзя, однако, считать началом русского китаеведения»⁴². Традиционно В. Н. Никифоров особо выделяет Иакинфа (Бичурина), невольно при-

нижая вклад в науку его предшественников и современников «Всего восемь лет отделяют выход в свет очерка И. Орлова от первой книги Н. Я. Бичурина, а кажется, между ними целое столетие»⁴³. В. Н. Никифоров дает излишне жесткую, хотя в целом и справедливую, общую оценку дореволюционной российской историографии Китая: «Круг вопросов, по которым китаеводами были созданы серьезные труды, сравнительно узок... Стремление создать общий очерк истории Китая нашло на том этапе отражение лишь в исторических разделах различных справочников... Разрыв между историей Китая и других стран к началу XX в. не был преодолен, новейшие достижения исторической науки доходили до историков Китая с запозданием»⁴⁴.

В современной историографии проблемам исторического наследия русского китаеведения уделяется много внимания. В 1990-х гг. Институтом востоковедения РАН была опубликована двухтомная «История отечественного востоковедения»⁴⁵. В начале XXI в. различные статьи по истории отечественного китаеведения⁴⁶ опубликовали академики С. Л. Тихвинский⁴⁷ и В. С. Мясников⁴⁸, другие ведущие российские синологи и историки. Ряд статей, специально посвященных проблемам изучения и преподавания истории Китая в России⁴⁹, опубликовал Г. Я. Смолин⁵⁰. Ведущим центром изучения истории отечественного китаеведения сегодня остаются Институт востоковедения РАН и Ин-

ститут восточных рукописей РАН. Институт Дальнего Востока РАН продолжает издание документов по истории русско-китайских отношений, в том числе и российского китаеведения. Среди региональных центров можно назвать группу китаеведов Новосибирска, которую создал и возглавлял до самой своей кончины В. Е. Ларичев⁵¹.

В настоящее время отечественная историография истории Китая и русского китаеведения входит в сферу научных интересов не одного десятка российских исследователей. Вообще на сегодняшний день многие вопросы истории отечественного китаеведения были раскрыты в многочисленных статьях или отдельных главах и параграфах обобщающих работ по разным проблемам истории науки, образования или русско-китайских отношений. Однако в большинстве публикаций по проблемам, связанным с историей китаеведения, исследователи ограничиваются упоминанием одного-двух имен российских синологов. Например, в одной из последних публикаций автор, справедливо утверждая, что «во второй половине XIX в. влияние отечественного востоковедения на формирование в обществе представлений о дальневосточной культуре не было определяющим, но имело постоянный и глубокий характер, принося свои плоды»⁵², тем не менее в тексте, охватывающем двухсотлетний период отечественной истории, упоминаются лишь два русских китаеведа – Иакинф (Бичурин) и С. М. Георгиевский.

Подводя итоги вышесказанному, можно утверждать, до

сих пор в российской науке так и не появилось ни одного специального обобщающего исследования или учебного пособия, специально посвященного изучению истории Китая в Российской империи.

На сегодняшний день данная проблема уже осознана и озвучена российским научным сообществом. Заведующий отделом Китая Института востоковедения РАН, лауреат Государственной премии А. И. Кобзев⁵³ передал в 2011 г. Президенту России Д. А. Медведеву письмо с проектом модернизации отечественной синологии, в котором обосновал необходимость «введения в научный оборот лежащих до сих пор, увы, под спудом (главным образом в государственных и частных архивах) огромных накоплений отечественной синологии, а также создание ее документально фундаментированной истории с максимально полной библиографией»⁵⁴. В рамках реализации поддержанной руководством Российской Федерации проекта изучения и ознакомления российской и мировой общественности с историческим наследием отечественного китаеведения Институт востоковедения в 2013 г. начал выпуск нового продолжающегося издания «Архив российской китаистики». Предлагаемая работа – «Изучение истории Китая в Российской империи» – также призвана решить выше озвученные задачи, поставленные руководством страны перед российским научным сообществом.

Данная работа написана на основе как исторических доку-

ментов, так и исследований историков и синологов. Основу источниковой базы составили опубликованные работы русских китаеведов и историков XVIII – начала XX в. и архивные материалы, посвященные истории Китая и китайской историографии. Мы не будем здесь перечислять и анализировать привлеченные для данного исследования источники. Приведенный в конце работы их список наглядно показывает, насколько благодатна и перспективна эта тема для исторических и историографических исследований, насколько много еще работы у историков науки и образования. Но проведенное исследование позволяет серьезно скорректировать учебные планы и программы подготовки историков и китаеведов в современной российской высшей школе. Данная работа изначально задумывалась в качестве учебного пособия для бакалавров, магистров и аспирантов, а при ее написании учитывался четвертьвековой опыт преподавания автором историко-китаеведческих учебных курсов в различных университетах России и Китая.

Мы надеемся, что предлагаемая работа позволит увидеть целостную картину историко-востоковедных исследований на протяжении двухвековой истории отечественной науки и высшего образования. Автор будет считать свою задачу выполненной в том случае, если кропотливый исследователь или любопытный читатель не только найдет на страницах книги что-то для себя новое, но и ощутит атмосферу предыдущих эпох, почувствует сложность и противоречи-

вость родной истории, по достоинству оценит труды наших предшественников.

Глава I

Начало изучения истории Китая в России

Начало изучению истории Китая в России было положено в XVIII в. К этому времени развитие русско-китайских отношений привело к оформлению русского представительства в Пекине, ставшего основой русского китаеведения. Учреждение Академии наук создало условия для формирования научной синологии и современной исторической науки. Все это позволило уже в течение XVIII в. подготовить первых русских китаеведов и ввести в научный оборот первые переводы китайской исторической литературы.

1.1. Предпосылки научного изучения истории Китая

Истоки знаний и общественных представлений о Китае в русском обществе уходят в древность. Однако лишь к началу XVIII в. сложились предпосылки к формированию китаеведения в России. Интерес собственно к китайскому языку со стороны наиболее образованных представителей российской дипломатии документально зафиксирован лишь во второй половине XVII в. В «Статейном списке посольства Н. Г. Спафария в Цинскую империю» отмечено: «И посланник езуиту говорил, чтоб он сыскал грамматику китайскую...»⁵⁵. В течение столетия, начиная с первой русской экспедиции в Пекин 1618–1619 гг., российско-китайские переговоры велись посредством использования третьих языков – монгольских, тюркских, латинского. Представление в русском обществе о различных сторонах китайской культуры тоже формировалось в основном через знания о Китае у западноевропейцев и народов Евразии.

Зарождение русского китаеведения было связано как с потребностями русско-китайских отношений, так и с развитием собственно российского государства и культуры. Российские дипломаты, в XVII в. решавшие задачи установления двухсторонних отношений, интересовались в том числе и ис-

торией Китая. Китаеведы полагают, что российский дипломат Н. Г. Спафарий-Милеску⁵⁶ был автором сохранившейся в архиве такой работы, как «История о Китайском государстве, а именно о начале онаго, сколько имеется под владением онаго других государств... О китайских царях... Списана с рукописной истории, которая сочинена... от Рождества Христова 1678 году»⁵⁷. Н. Г. Спафарию традиционно приписывается и «Описание первой части вселенной, именуемой Азией, в ней же состоит Китайское государство...»⁵⁸. В этой работе имеется краткий очерк истории Китая, первая глава рукописи называется «Когда началось царство китайское и сколько их родословий...». Работы Н. Г. Спафария написаны на основе исследований западноевропейских миссионеров, а основу составил, очевидно, перевод полученной в Пекине от иезуита Ф. Вербиста⁵⁹ работы иезуита М. Мартини⁶⁰ «Novus Atlas Sinensis» (1655).

Н. Г. Спафарий представил и собственные суждения по некоторым вопросам Китая. Например, в тексте «описания первой части вселенной, именуемой Азией» он рассматривал «Никанское царство» как специфическое имя «Старого Китая», где было распространено христианство, завоевание же Китая «богдоями», по мнению ученого дипломата, являлось «божьей карой» за отступление от веры. Н. Г. Спафарий считал, что «...с помощью Божьей и царского величества счастием скорым временем в Китае будет православие

греческое...»⁶¹.

Среди тех дипломатов, чей интерес к истории Китая был зафиксирован в документах, был один из самых успешных и опытных российских представителей в Китае – Лоренц Ланге⁶². Исследователи отмечают «сочинение Ланга о Китае – одной из ранних попыток дипломатического представителя России по выяснению прошлого, а также состояния этой страны в начале XVIII в.»⁶³. Первая глава сочинения Л. Ланге была посвящена происхождению Китайского государства и названия Китай. История страны в работе российского дипломата начиналась с трех легендарных императоров и определялась в 4415 лет, и за это время в стране сменилось 253 «императора». Кроме того, в работе выделялась отдельная, седьмая, глава «о том, как нынешние татары овладели Китайским государством»⁶⁴. Последние главы были посвящены деятельности католических миссионеров с историческими сюжетами по этой проблематике. Таким образом, российские дипломатические представители в Пекине уже в начале XVIII в. познакомили русскую элиту с основами китайской истории.

Первым из русских правителей поставил вопрос о необходимости изучения китайского языка и культуры («познания их суеверия») первый российский император Петр I. Царский указ 1700 г. гласил: «Для утверждения и приумножения в православную веру и проповедь св. евангелия в идолопо-

клонных народах (Китая) ... указал писать к киевскому митрополиту (Варлааму Ясинскому), чтоб он, подражая о том святом и богоугодном деле, искал в малороссийских своей области городах и монастырях из архимандритов и игуменов или иных знаменитых иноков доброго и ученого и благого жития человека, которому бы в Тобольску быть митрополиту... и привел бы с собою добрых и ученых не престарелых иноков двух или трех человек, которые бы могли китайскому и мунгальскому языкам и грамоте научиться и, их суеверие познав, могли твердыми св. евангелия доводами многие души области темныя сатанинския привести во свет познания Христа Бога нашего и тамо (в Пекин) живущих и проезжающих христиан от прелести всякой идолослужения их отвадити, и тако могли бы жити, и у той построенной Божией церкви (албазинской) служить, чтобы своим благим житием хана китайского и ближних его людей и обще их народ привести бы к тому святому делу и к российского народа людям, которые по вся годы с караваны для торга и для всяких посылок порубежных ездят, учинить себя склонных»⁶⁵.

В эпоху китайского императора Канси⁶⁶ к концу XVII в. маньчжурская династия Цин окончательно стала центром китайской цивилизации, унаследовав ее историческое наследие. Россия к началу XVIII в. демонстративно «повернулась спиной» к своему евразийскому культурному наследию, связывавшему ее с отчасти общим с Цинской империей тюрко-монголо-тунгусским пространством. Но опыт прямо-

го посредничества западноевропейцев в отношениях между русскими и китайцами для двух новых империй оказался неприемлем. Более того, реалии европейской культуры создавали необходимость развития китаеведения в развернувшейся лицом на Запад России, даже и без прямой связи с вытекающими из ее соседства с Китаем потребностями.

Знакомство русского общества с историей Китая и формирование российского китаеведения в XVIII в. определялось комплексом причин и факторов. Потребность в изучении Китая была обусловлена в первую очередь тем, что с начала XVII в. русское и китайское государства установили прямые политические и экономические связи, затем стали и непосредственными соседями в Центральной и Восточной Азии. Нерчинский 1689 г. и Кяхтинский 1727 г. договоры завершили не только пограничное размежевание между двумя империями, но оформили всю систему двухсторонних отношений.

Именно в XVIII в. формировались в России академическая наука и университетское образование, которые стали фундаментом, в том числе и для российского научного китаеведения. Изучение истории Китая шло в нашей стране одновременно со становлением современной исторической науки. Более того, так случилось, что именно история и китайский язык по факту оказались в основе академической науки на этапе ее формирования. Это отметил еще М. В. Ломоносов⁶⁷, писавший в «Рассуждении о академическом ре-

гламенте и статье»: «3) Ректором Университета положен историограф, то есть Миллер, затем что он тогда был старший профессор... И если б Миллер был юрист или стихотворец, то, конечно, и в статье ректором был бы назначен юрист или стихотворец. 4) Историографу придан переводчик китайского и маньчжурского языков, то есть Ларион Россохин. Однако если бы Россохин вместо китайского и маньчжурского языков знал, например, персидский и татарский, то бы, конечно, в статье положен был бы при историографе переводчик персидского и татарского языка»⁶⁸.

Говоря о начальном этапе становления науки в России, можно отметить, что российская археология началась с работ Д. Г. Мессершмидта⁶⁹ не просто в пограничном с Цинской империи, но даже и оспариваемой в то время у России Пекином районе Южной Сибири. И в свою первую экспедицию по России Д. Г. Мессершмидт выехал в составе свиты посланника в Китай князя Л. В. Измайлова⁷⁰. Один из «отцов-основателей» российской исторической науки Г. Ф. Миллер⁷¹ написал и опубликовал свое «Описание Сибирского царства» одновременно с «Историей Российской» М. В. Ломоносова, почти за 70 лет до выхода в свет «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина. Современники высоко оценивали значение собранных Г. Ф. Миллером «рукописных китайских известий». Кроме того, советские историки отметили: «Первая в России рабо-

та по истории русско-китайских отношений была написана Г. Миллером и называлась “О первых российских путешественниках и посольствах в Китай”»⁷². Вообще «отца сибирской истории» можно считать неперенным куратором всего российского китаеведения середины XVIII в.

Становление российского китаеведения шло бок о бок со становлением исторической науки. Достаточно привести такие случаи из истории Академии наук: в 1748 г. «по указу Сената прапорщик И. Быков, бывший с 1731 по 1747 г. в Китае, направлен в Академию в качестве учителя китайского и маньчжурского языков и переводчика. Г. Ф. Миллер и Л. К. Россохин из экзамена заключили, что Быков “в просторечии” на этих языках говорить может, но как учитель и переводчик “недостаточен”»⁷³; 31 января 1757 г. «оглашен приказ об освидетельствовании перевода китайской книги “О происхождении и нынешнем состоянии народа манджур”, сделанного Л. К. Россохиным. Миллер взял это на себя»⁷⁴. Совместная работа «отца Сибирской истории» и первого русского китаеведа в стенах Академии наук была не случайной. Как раз в 1748 г. в связи с возникшими в работе над «Историей Сибири» противоречиями между Г. Ф. Миллером и И. Э. Фишером⁷⁵ в Академии наук было создано особое Историческое собрание для координации работы всех гуманитариев. В ее состав, кроме вышеназванных историков, вошли и другие ученые, в том числе М. В. Ломо-

носов. Именно в ведение Исторического собрания были переданы академический университет и гимназия.

Сложившиеся стандарты западноевропейской академической науки требовали учреждения в рамках Санкт-Петербургской Академии наук научного востоковедения. Специально для развития китаеведения в Россию был приглашен из Кенигсберга воспитанник Лейпцигского университета Готлиб Зигфрид Байер⁷⁶. Этот немецкий ученый в 1725 г. занял должность профессора греческих и римских древностей Академии наук, а 1734 г. Г. З. Байер стал профессором восточных языков. Китайский язык он начал изучать еще в Кенигсберге и Берлине, однако именно петербургский период принес немецкому ученому известность китаеведа. В столице Российской империи профессором Байером в 1729–1730 гг. была издана первая в Европе «Хинейская грамматика», кроме того, был составлен китайско-латинский словарь. В 1730 г. в Петербурге был издан главный труд Г. З. Байера по востоковедению *Monumentum Sinicum* (исторический обзор европейских трудов по синологии; грамматика, словарь, данные о мерах и весах). Несмотря на множество недостатков, этот труд был новым шагом в научном китаеведении.

Профессор Г. З. Байер отправил свою работу иезуитам-синологам и вскоре получил ответ от таких известных ученых, как Кеглер⁷⁷, Перейра⁷⁸, Славичек⁷⁹, Гобиль⁸⁰, Парренин⁸¹. Иезуиты оценили этот труд «образцом столь выда-

ющего ума, что сами китайские музы могут прийти в удивление», но посоветовали найти учителя китайского языка из китайцев или долго живших в Китае европейцев. В коллективном письме Кеглера, Перейры и Славичека академику Байеру от 12 сентября 1732 г. говорилось «о невозможности изучать китайский синтаксис и китайские книги только по словарям, без живого произношения»⁸².

Востоковед Г. З. Байер работал в России до 1738 г., но так и не выучил русского языка, не владел он и разговорным китайским. Тем не менее вклад немецкого ученого на русской службе в будущее науки и популяризации китайской истории был немаловажным. В числе достижений необходимо отметить, что издание Г. З. Байером в Санкт-Петербурге текстов с использованием китайских знаков явилось первым опытом печати иероглифов в Европе.

Одновременно с немцем Г. З. Байером в Санкт-Петербурге при Академии наук работал и китаец Чжу Гэ. Привезен он был из Тобольска в 1734 г., крещен в 1736 г. под именем Федор Джога. С 1738 г. этот китаец начал преподавать китайский язык, сначала в Санкт-Петербурге, а затем в Москве. Но Федор Джога также не стал основателем российского китаеведения, и после возвращения из Пекина первых русских синологов он был отстранен от преподавания китайского языка.

После ухода Г. З. Байера в Академии наук не осталось китаеведов, хотя есть указания, что в 1739 г. академи-

ком Санкт-Петербургской Академии стал живший в Пекине иезуит знаменитый французский синолог Антуан Гобиль. Но Академия наук и без своих синологов-академиков оставалась главным учреждением, в рамках которой решались вопросы изучения истории Китая. Например, согласно «Списку именному академическим служителям» за 1 мая 1748 г. в штате Академии наук были «прапорщик Л. Розсохин, ученики кит. и маньч. языков Л. Савельев, С. Корелин, Я. Волков»⁸³. В марте 1756 г. Сенат отправил в Академию наук приобретенный в Пекине многотомный труд китайских историков первой половины XVIII в. для перевода на русский язык. Академики М. В. Ломоносов, И. Д. Шумахер, И. Штелин и И. Тауберт были назначены ответственными за организацию работ по переводу «Китайской истории»⁸⁴.

В 1755 г. Санкт-Петербургская академия наук приступила изданию первого в России научно-популярного журнала «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие». Одним из инициаторов этого издания был М. В. Ломоносов, редактировал журнал «отец сибирской истории» академик Г. Ф. Миллер. В данном журнале в 1750-х гг. были опубликованы первые статьи российских авторов, касающиеся истории Китая, «О разных именах Китайского Государства» И. Э. Фишера и «История о странах, при реке Амуре лежащих» Г. Ф. Миллера. Необходимо отметить, что статьи о Китае в русских периодических изданиях стали печататься еще начиная с 1731 г. Исследователи пишут: «С 1728

по 1742 г. выходили “Месячные исторические, генеалогические и географические примечания в Ведомостях”... В номерах с 13-го по 18-й за 1731 г. публиковались “История Хины, или китайская” (заимствованная из сочинения Ф. Купле)»⁸⁵.

Санкт-Петербургская академия наук с первых дней своего существования собирала привезенные русскими китаеводами книги, целенаправленно формировала китайскую библиотеку. Первые китайские и маньчжурские книги были привезены в Санкт-Петербург, вероятно, в 1730 г. находившимся на русской службе шведом Л. Лангом из его третьей поездки в Китай⁸⁶. Еще в XVIII в. исследователи отметили: «... Лоренц, бывший российским резидентом при китайском дворе, привез в 1730 году из Пекина от езуитских миссионеров, числом 82 тетради в 8 папках»⁸⁷. Правда, в одном из первых исследований по истории русского востоковедения говорилось: «С самого основания С. Петербургской Академии Наук библиотека ея имела уже небольшое собрание Азиатских рукописей и до 2800 (возможно опечатка. – В.Д.) книг на Китайском языке»⁸⁸. Исследователи полагают, что в первой партии привезенных из Китая в Санкт-Петербург книг были только словари. Затем библиотека приобретала книги у возвращавшихся из Пекина миссионеров и учеников Духовной миссии.

Книги по истории Китая для Академии наук были в при-

оритете. Например, в инструкции Академии наук «каравану в Пекин» от 3 апреля 1753 г. предписывалось найти и закупить в Китае отсутствующие в академической библиотеке «исторические и философские книги»⁸⁹. Исследователь В. П. Таранович писал: «Из лиц, оказавших Академии Наук значительную услугу в деле пополнения ее музейного и библиографического фондов китайскими книгами... следует отметить Франца Луку Еллачича (Franz Lukas Jellatschitsch) ...»⁹⁰. В 1753 г. Ф. Л. Еллачича вторично отправили в Пекин в составе торгового каравана с заданием: «1) Купить китайские философские и исторические книги, которых в библиотеке нет и о коих китайского языка переводчик известие подать может»⁹¹. Основной список необходимой для Санкт-Петербургской академии наук литературы сформировал переводчик И. К. Россохин. Кроме того, в отдельной инструкции АН за подписью Шумахера была дана «ропись выписанным из каталогу Парижской библиотеки китайским книгам, которые из Китая в СПб. Имп. Библиотеку достать должно», в этом списке было 72 номера. Выполняя эти поручения, Еллачич купил в Пекине 123 экземпляра книг (51 название) различной тематики, в числе которых было 56 экземпляров (15 названий) книг исторических⁹².

Говоря о вкладе Академии наук в дело становления российского китаеведения, необходимо отметить и тот факт, что, будучи центром научного китаеведения, Санкт-Петер-

бургская академия наук в XVIII в. сама сдерживала развитие исследований. Когда в мае 1748 г. указом императрицы Елизаветы Петровны еще один китаевед, И. Быков, был причислен к Академии наук, то от академиков последовала просьба «определить к иной службе»⁹³ этого молодого китаеведа. Еще раньше, в 1742 г., вышел указ Елизаветы Петровны «О невозможности содержать при АН одновременно Россохина и Джогги»⁹⁴. Против такого отношения выступали многие ученые, например, М. В. Ломоносов в своей «Записке о необходимости преобразования Академии наук» утверждает: «Хотя по соседству не токмо профессору, но и целой Ориентальной академии быть бы полезно»⁹⁵. Но стоявшие у руководства Академии наук немецкие ученые «не пропускали» русских синологов на более высокие ступени в официальной русской науке.

Таким образом, к середине XVIII в. в Российской империи не только сложились предпосылки к становлению научного китаеведения, но и сформировалась Академия наук, способная принять первых подготовленных в Пекине русских китаеведов, организовать их для развития российской синологии, в том числе и для научного изучения истории Китая.

1.2. Пекинская миссия и китаеведение в России в XVIII в.

В первой половине XVIII в., через сто лет после установления прямых связей между русским и китайским государствами, оформилось постоянное российское представительство в Пекине – Российская духовная миссия. Именно Пекинская миссия стала первым и на долгое время главным российским институтом, выполняющим задачи как подготовки русских китаеведов, так и изучения собственно Китая.

Первая Российская духовная миссия, снаряженная по приказу русского царя Тобольским митрополитом Иоанном (Максимовичем)⁹⁶, прибыла в Пекин в конце 1715 г. вместе с возвращавшимся из России китайским «посольством Тулишэня». Возглавил миссию воспитанник Киевской духовной академии архимандрит Илларион (Лежайский)⁹⁷, в ее состав вошли священник, диакон и восемь причетников (младших церковнослужителей). Посланник Папы Римского в Китае писал, что в Пекин прибыли из России настоятель монастыря и 12 священников⁹⁸.

Для того чтобы Пекинская миссия стала центром научного китаеведения, понадобился продолжительный переходный период. И вопрос был не только в том, что для подготовки первых специалистов требовалось время, но русские

власти поначалу не ставили собственно научных задач, царской власти были нужны «попы не как ученые, а как разумные и покладные...»⁹⁹. Известный синолог и дипломат И. Я. Коростовец писал позднее: «О деятельности этой первой миссии сохранилось мало сведений. Состав ее скоро строился вследствие смерти начальника...»¹⁰⁰. Первая Духовная миссия в Пекине не оставила документальных свидетельств, указывающих какую-либо работу, связанную с изучением китайской истории.

Вопрос об отправке новой Духовной миссии в Пекин решался очень сложно, в течение многолетних переговоров с китайским правительством. В это же время на первый план вышел вопрос об отправке в Китай учеников для изучения языков и культуры соседей. 30 декабря 1726 г. состоялась именной указ Екатерины I, повелевавший после окончания русско-китайских переговоров отправить новую миссию в Пекин во главе с воспитанником Славяно-латинской академии в Москве архимандритом Антонием (Платковским). В указе предписывалось взять в Пекин учеников, которых глава Миссии обучал в школе при Вознесенском монастыре в Иркутске монгольскому языку.

Многолетние переговоры между Российской и Цинской империями благополучно завершились в 1727 г. подписанием Кяхтинского договора. Уже в августе 1727 г. работавший в Китае российский дипломат С. Л. Владиславич-Рагузин-

ский¹⁰¹ написал епископу Иннокентию (Кульчицкому): «А понеже Двор Пекинский духовную особу в характере епископа принять не похотел, а более трех священников о прислании в договоре не положено, при которых шесть человек, а именно четырех учеников русского языка, да два латинского языка, которые могли в школе в Пекинской Коллегии обучаться китайскому и маньчжурскому языкам, а взаимно ханских подданных учили русскому и латинскому языкам»¹⁰². Официальный статус Российской духовной миссии в Пекине был закреплён пятой статьёй Кяхтинского договора. Миссия получала права китайского государственного учреждения. В этом же документе говорилось, что при Миссии будут находиться «четыре мальчика учеников и два побольшего возраста, которые по Русски и по Латине знают»¹⁰³.

В сентябре 1727 г. с первым попутным караваном в Пекин было отправлено три ученика, назначенные в Духовную миссию ещё в 1725 г. из состава Московской Славяно-греко-латинской академии. Правда, уже в 1732 г. два ученика вернулись на родину, и лишь один Лука Воейков остался познавать «китайскую грамоту». Но уже в числе прибывших в Пекин в 1729 г. вместе с архимандритом Антонием (Платковским) учеников был Илларион (Ларион) Калинович Россохин (Рассохин) – будущий первый русский ученый-китаевед. В одном из студенческих исследований Духовной академии говорилось: «Можно указать трех школьников, которых

в 1727 г. взял собой в Пекин архимандрит, которые, как то видно из списка их, представленного Платковским Св. Иннокентию, “по свидетельству мунгальских учителей учатся лучше всех учеников”. Это были: 1) Илларион Рассохин, сын священника Калинника Иванова; 2) Герасим Шульгин – сирота, взят архиепископом из Новодевичья монастыря (Знаменского – в Иркутске) у его матери – вдовы; 3) Михаил Пономарев, сын священника Афанасия Пономарева»¹⁰⁴. Именно эти три ученика были указаны в «Паспорте, выданном в Иркутске из Походной посольской канцелярии архимандриту Антонию (Платковскому) для проезда в Пекин» от 14 июля 1728 г. Как говорилось в документе, отправлены были в Пекин «священники для отправления службы божией, а школьники для науки китайского и манзюрского языков»¹⁰⁵.

На смену выехавшим на родину в 1732 г. этим китаеведам учениками в Миссии были оставлены Иван Быков и Алексей Владыкин. 15 сентября 1730 г. «ведением Сената» св. Синоду было постановлено: «Чтобы школьники тамо праздны не были, надзирание над ними иметь архимандриту и о науке их писать ему в Иностранную Коллегию, а за ослушание и продерзости наказывать»¹⁰⁶.

Русских в Пекине учили по традиционной китайской методике, язык и письменность постигались посредством заучивания классических китайских книг. Таким образом,

русские ученики в Пекине с первых же дней своего обучения китайскому языку оказались погружены в древнюю и средневековую китайскую культуру. История Китая стала едва ли не основной составляющей их образования. И причины этого были глубже, чем просто существовавшие на тот момент методы и содержание лингвистического образования. Дело в том, что русские в Китае попали в совершенно другую религиозную традицию, в основе всей китайской культуры, не знавшей «Божьего Откровения», лежала «религия исторического предания».

После прибытия в Пекин в 1736 г. нового состава Российской духовной миссии первые русские китаеведы выехали на родину, положив начало научному китаеведению в России. И. К. Россохин в 1740 г. был направлен Коллегией иностранных дел в распоряжение Академии наук. 22 марта 1741 г. приказом президента Академии наук К. Бреверна¹⁰⁷ китаевед был включен в ее штат Академии наук «для переводов и обучения китайского и маньчжурского языков»¹⁰⁸, ему в качестве учеников определили четырех человек.

В конце 1742 г., когда в Миссии осталось всего два русских ученика, в Китай были направлены новые ученики, взятые в 1739 г. из Славяно-греко-латинской академии и прошедшие предварительную языковую подготовку с китайским учителем в Москве. Из их числа наибольшую известность получил Алексей Леонтьевич Леонтьев. В конце 1745 г. в Пекин в составе IV Миссии приехали Е. Сахнов-

ский и Н. Чеканов, но последний в 1752 г. умер в Пекине, как и многие другие ученики, приезжавшие до и после него. Прибывших в Пекин в 1754 г. со следующей миссией новых учеников китайские власти сразу же выслали обратно.

Возможно, китайские власти были недовольны активностью русских китаеведов в Пекине. Николай (Адоратский) писал: «Директор нового каравана, Алексей Владыкин, бывший в Пекине в 1755 г., представил по возвращении в Россию, в сенат ландкарту китайских провинций и план Пекина, причем доносил, что ландкарта и план были получены им для срисования из ханской библиотеки, на что издержано было серебра 1500 рублей. Наконец Алексей Леонтиев, живший при четвертой миссии, собрал там много данных из китайских и маньчжурских источников, которые, в бытность свою переводчиком при российской Академии Наук, разработал во многих своих произведениях»¹⁰⁹.

В 1757 г. российскому представителю В. Ф. Братищеву¹¹⁰ удалось добиться согласия китайской стороны на отправку в Пекин новых учеников. В состав VI Миссии в качестве учеников были назначены трое учащихся Топольской духовной семинарии и один ученик Александро-Невской школы в Санкт-Петербурге. Указом Коллегии иностранных дел от 6 февраля 1755 г. срок пребывания учеников Миссии определялся в 12 лет, для того чтобы они успевали в достаточной мере овладеть китайским языком. В XIX в. исследователи писали: «С ним были назначены иеромонахи Иуст и Иоанни-

кий, иеродиакон Никифор и псаломщики: Семен Цвет и Семен Килевский. В 1769 году августа 22-го назначены ученики Яков Коркин и три ученика из Тобольской семинарии: Агафонов, Парышев и Башкеев»¹¹¹. В 1782 г. ученики А. Агафонов, Ф. Бакшеев и А. Парышев вернулись в Россию, «они оказались довольно знающими в китайском, а особенно в маньчжурском языках. Как люди немолодых уже лет, они были определены переводчиками коллегии к Иркутскому губернатору Якобию. Из них Федор Бакшеев, по смерти А. Леонтьева, в 1786 г. был вызван в Петербург, где и скончался 18 мая 1787 г. На его место вытребован был А. Агафонов, ставший достойным преемником А. Леонтьева и Ф. Бакшеева»¹¹². В середине XIX в. исследователи писали еще об одном китаеведе: «Отправившись в Пекин с миссиею, Родионов жил там с 1771 по 1783 год, обучаясь между прочим языкам Манжурскому и Китайскому, на которых даже отчасти мог потом говорить»¹¹³. В 1780 г. в состав VII Миссии «поступили: студент Московской академии из философии Егор Салертовский, сын умершего пономаря... и студенты философии из Троицкой семинарии: Иван Филонов, сын умершаго священника села Хаткова смоленской епархии и Антон Григорьевич Владыкин, азиатской нации... Наконец, из синтаксимы сам пожелал поступить в ученики миссии певчий архиеп. Платона Алексей Петров Попов, 19 лет, сын ... священника...»¹¹⁴.

В XVIII в. некоторые члены Миссии не только изучали языки, но и занимались исследовательской работой. Уже глава II Миссии в Пекине архимандрит Антоний (Платковский) отправил в Св. Синод «китайский букварь, под названием Дзе-луй, в котором находилось тысяч с тридцать литер, и просил, чтобы писано было к богдыханову величеству, дабы оную книжку велел перевести тамошнему толмачу Иакову Савину»¹¹⁵. Коллегия иностранных дел предписала главе миссии выполнить эту работу, и, очевидно, ученики Миссии начали работу по ее переводу на русский язык. В XVIII в. воспитанниками миссии были созданы первые русско-китайско-маньчжурские учебные пособия и словари.

Таким образом, первым русским китаеведом стал воспитанник школы монгольского языка в Иркутске и ученик Российской духовной миссии в Пекине переводчик и преподаватель китайского языка И. К. Россохин. 22 марта 1741 г. приказом президента Академии наук он был включен в ее штат в качестве переводчика и учителя китайского и маньчжурского языков. Тогда же в Академию наук был «определен» китаец Ф. Петров в качестве помощника к И. К. Россохину.

Изучение и преподавание истории Китая не входило в прямые обязанности И. К. Россохина. Программа обучения китайскому языку была утверждена указом Сената от 28 июня 1741 г. Истории Китая там не было, но, кроме собственно письменного и разговорного языков, предписывалось «показать все китайское обхождение, чтобы они и ки-

тайскую политику со временем узнать могли»¹¹⁶. Кроме того, И. К. Россохин в процессе преподавания применял традиционные китайские методы и приемы, заключающиеся в заучивании китайских классических книг. В качестве учебных пособий он использовал привезенные из Пекина книги, в том числе некоторые разделы «Сышу»¹¹⁷. Таким образом, изучение китайского языка в России, как и в Китае, шло через знакомство с китайскими письменными историческими памятниками.

К середине XVIII в. в «Школе Россохина» было три ученика, изучавших китайский и маньчжурский языки: Л. Савельев, С. Корелин, Я. Волков¹¹⁸. Школа работала до 1751 г., и некоторые его ученики достигли значительных успехов, в частности, известны переводы китайских классических книг Я. Волкова. Академия наук активно привлекала китаеведов и для выполнения других работ. Например, в 1749 г. Академия наук поручила И. К. Россохину подготовить «Китайский атлас». В качестве еще одного примера можно привести приказ исполнявшего должность директора Академии наук И. Д. Шумахера «О назначении прапорщика Россохина для разбора китайских книг из конфискованных библиотек»¹¹⁹; или «Приказ “из канцелярии АН”. О поручении Россохину “описания” кит. книг, присланных в АН иезуитами из Пекина»¹²⁰.

Вклад бывшего ученика Пекинской миссии И. К. Россо-

хина в русское китаеведение был многогранным. Исследователи, в частности, отмечают: «Образование китайского и маньчжурского фондов библиотеки Академии наук связано с именем первого русского переводчика с маньчжурского и китайского языков Иллариона Калиновича Россохина – ученика Второй Пекинской духовной миссии, зачисленного в Академию наук в 1741 г. Библиотека в том же (1741) году приобрела несколько книг у него, а оставшуюся часть коллекции в 1761 г., после его смерти, у его вдовы. Россохин был посредником в получении книг от иезуитской коллегии в Пекине в 1747 и 1756 г.»¹²¹. В начале 1748 г. «Прапорщик Л. К. Россохин сообщил о возможности покупки “у разных чинов людей” книг на маньчжурском и китайском языках. 1 марта определено названные книги приобрести, уплатив требуемые 193 р. 80 к. из доходов Книжной лавки»¹²².

Во второй половине XVIII в. в Санкт-Петербурге еще дважды при Коллегии иностранных дел открывались школы китайского языка. С 1763 г. китайский язык преподавал А. Л. Леонтьев вместе с помощником, крещеным китайцем А. Васильевым. В 1798 г. учителем вновь открытой школы был назначен А. Г. Владыкин.

Таким образом, воспитанники Российской духовной миссии в Китае в XVIII в. заложили основы русского китаеведения. Несколько учеников миссии, выучив в Пекине китайский и маньчжурский языки и познакомившись с основами китайской культуры, по возвращении в Россию служи-

ли в Коллегии иностранных дел и Академии наук. Преподавая китайский и маньчжурский языки, они переводили китайскую литературу, формировали первые китайские фонды российских библиотек. Все это стало основой для начала научного изучения истории Китая.

1.3. Исследования по истории Китая

Работы русских китаеведов

Изучение и популяризация истории Китая в XVIII в. проводились в рамках переводов китайской литературы, выполняемых учениками российской духовной миссии в Пекине, а затем китаеведами в России. Первые русские китаеведы переводили как китайские исторические труды, так и собственно документы современной им Цинской династии. Первые переводы были выполнены И. К. Россохиным. На это указывает приказ от 3 марта 1746 г. «О передаче в библиотеку Академии наук “переводов китайских книг” выполненных Россохиным»¹²³ и приказ от 9 января 1747 г. «О передаче в библиотеку АН “рукописных манускриптов” переведенных с китайского языка Россохиным»¹²⁴.

Один из первых исследователей истории русского востоковедения А. Ф. Рихтер писал: «Россохин, который жил несколько лет в Китае и потом был переводчиком при Академии Наук Китайского и Манжурского языков, от коего в рукописях остались, переведенная им Манжурская история...»¹²⁵. В архивах сохранились такие крупные работы, как: «С которого году манджурские ханы начали писатца ханами, где прежде государствovali, сколько было всех ханов... 1736 г.»; «Краткое известие и описание о всех китай-

ских государях, сколько лет которой государствовал, как назывался, с какого году вступил на престол... какие происходили достопамятные случаи, которое собрано из китайской книги Ган-Гянь, то есть из исторического дистракта или всеобщего зеркала с манджурскаго на российский язык переведено Академии наук прапорщиком Ларионом Разсохиным. 1744 г.»; «История о завоевании китайским ханом Кан-хией калкаского и элетского народа, кочующего в Великой Татарии, состоящая в пяти книгах, переведена с маньчжурского языка на российский прапорщиком Ларионом Россохиным, 1750 г.»; «Дзыджи тунгянь ганму цянбянь, то есть сокращение китайской истории, называемой всеобщее зеркало, к учреждению добрых порядков в правительстве способствующее... В пяти томах»¹²⁶

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.